

АЗБУКА ВЕРЫ

Что делаю? Уезжаю в лагерь

Что делаю? Уезжаю в лагерь

Мои родители – тираны. И это не бред воспаленного воображения, это правда! Они постоянно меня критикуют, во мне им не нравится все. Как я одеваюсь, крашусь, ем, говорю... Все, что хоть как-то имеет отношение к подросткам, они воспринимают в штыки. Мне нельзя ходить на концерты любимых групп, в кино с друзьями, нельзя приглашать их домой. Да что там! Мне даже в Интернете сидеть не разрешают.

Тотальный контроль и полное отсутствие свободы. Если мне звонит кто-то из родителей, а я не беру трубку дольше пяти гудков, то все! Скандал!

Мама даже из дому боится уходить надолго. Она и не работает, все взвалила на папины плечи. Он, бедненький, горбатится на двух работах, ребенка видит раз в неделю, если не реже! По причине огромного количества свободного мамино времени я даже уроки делаю под ее присмотром. А еще мне почти не дают денег на карманные расходы. Многие мои друзья (которых, кстати, совсем немного из-за кастинга, устроенного дорогой мамочкой) удивляются, что я еще не взвыла от такого обращения.

А я и взвыла. Ведь начались летние каникулы, а значит, бдение стало круглосуточным.

И тут Оксана рассказала мне про лагерь «Вифлеемская звезда». Это что-то из библии. Вроде Вифлеемская звезда привела трех волхвов к младенцу Иисусу. Путеводная звезда, вроде так. Вот он, выход! Уехать туда, где отдыхают подростки совсем не моего круга, сельские ребята, дети из детдомов. Почему-то мне казалось, что нормальных городских детей там должно быть очень мало.

Да еще религия. Ведь главный человек в этом лагере – священник. Я бросаю вызов своим родителям-атеистам!

Моя месть будет сладкой! Только как вынудить родителей отпустить меня в лагерь? Уговорить? Или попросту сбежать?

Все-таки второй выход более реален, потому что на мою нормальную человеческую речь родители вообще не реагируют. И я начала приготовления.

Мне везло. Мама отправилась на почту получать какое-то письмо, а я, «отмазавшись», осталась дома. Вытащила с антресолей старый дорожный рюкзак. Его там еще лет пять не хватятся.

Вторая проблема: куда теперь его спрятать, чтобы можно было спокойно собираться. И меня осенило: Оксана!

Следующие несколько дней я незаметно от родителей таскала из дома вещи. И меня, видимо, охраняли силы небесные, потому что удалось ни разу не попасться и даже подозрений не вызвать.

Наконец настал «день X». Я дождалась, пока папа уйдет на работу, мама в магазин, и ушла к Оксане. Просидела у нее аж четыре часа, пока мама, судя по всему, примеряла очередную кофточку-юбочку-блузочку (нужное, что называется, подчеркнуть).

В 14:00 наш автобус отправлялся от городского храма. Подъехал допотопный «микроавтобус». За пять минут до отправления я позвонила маме и сладким голосом заявила:

- Мама, я стою около церкви. Что делаю? Уезжаю в лагерь. Да, ставлю в известность. Не успеете вы приехать, все, мы отправляемся. Пока! - и, пока мама не перезвонила, выключила телефон.

Почти два часа тряски по проселочным дорогам, и вот мы тут, высаживаемся посреди неизвестной деревни.

Я стояла на траве, беспокойно оглядываясь на пасущихся совсем близко коров и думая о том, что же я все-таки здесь делаю.

Сзади раздался властный голос:

- Все быстро встали по тройкам!

Я обернулась и увидела мужчину в армейских ботинках, камуфляжных штанах и зеленой футболке.

- Это кто? - поинтересовалась я у Оксаны.

- Ты что, это же батя! А для тех, кто в бронепоезде, батя - это отец Михаил.

- Это он?!!!

- Челюсть с пола подними, а то грязь собираешь.

- Да... С ним явно не соскучишься... - шепнула я Оксане, все еще немного в шоке.

- Все встали по трое, - повторил тем временем отец Михаил. Мы закинули на плечо рюкзаки и покорно встали в тройку с каким-то мальчиком. Священник ушел вперед, во главу колонны, и повел нас по улице. Наконец сельские дома остались позади, мы перешли дорогу и оказались около речки, поросшей неизвестной травой. Хотя больше она была похожа на узенькое болотце. И, что странно, симпатии как-то не вызывала.

- Кто готов пойти вброд? - громко спросил отец Михаил. Какие-то смельчаки подняли руки. Мы с Оксаной нервно засмеялись, надеясь, что это шутка.

- Ну что, пошли? - произнес тем временем отец Михаил. Мы панически переглянулись. Весело каникулы начинаются! Права была я в своих убеждениях - к словосочетанию «детский лагерь» нужно прибавлять приставку «конц-».

- Внимание, я пошутил.

Я с облегчением выдохнула, и мы двинулись мимо речки

- Какое счастье, - усмехнулась я.

С двух сторон тянулись высокие кусты, высоко в синеве неба палило солнце, пели птицы. Настоящая загородная природа, не испорченная еще присутствием человека! Тропинка завела нас в лес, а я некстати вспомнила последние городские байки про маньяка, который прячется в лесу. Отгоняла ненужные мысли одним аргументом: тут люди. Много. И идут они рядом.

Но и тайга когда-нибудь должна, по идее, кончиться. Вот и мы вышли из бора на большущую поляну. Оказалось, что нас ждут. Впереди стояли какие-то девочки с воздушными шариками. Вожатые?..

Я огляделась. В голове снова мелькнула мысль: Господи, и что я здесь делаю? Спасаясь от своих родителей...

Я, дитя города, стояла в ступоре. От вида огромных армейских палаток, большого футбольного поля, волейбольного поменьше, речки и маленького деревянного здания неизвестного назначения у меня задергался глаз. Добили виднеющиеся вдалеке деревянные туалеты. К нам подошла незнакомая девушка. Сначала я приняла ее за еще одну жертву лагерного режима, но, когда она заговорила, до меня дошло, что это все-таки вожатая.

- Вы тут впервые?

Не в силах говорить, мы кивнули.

- В шоке? - улыбнулась она, - ну ничего, скоро вы поймете, как мало нужно человеку для счастья. Если что, меня зовут Настя.

- Лагерь, на поляну!

Нас всех, а это примерно 90 человек, собрали на футбольном поле.

- Разделитесь на группы по два человека и подойдите к любым вожатым за заданиями.

Я беспокойно оглядывалась по сторонам.

Где же Оксана? Не одной же мне задание выполнять! Но тут подруга уже ко мне подбежала с листочком в руках.

«Какой рост у Севы?» - гласила надпись на нем.

- И кто такой этот Сева? - воскликнули мы в один голос. Кто-то посоветовал нам бежать на вожатский. В ответ на наш непонимающий взгляд нам было показано то направление, откуда мы пришли в лагерь. Сказали, что мы увидим кострище, и Севу нужно спросить там. Мы сломя голову понеслись туда. Запыхавшаяся, я подбежала к отцу Михаилу, который как раз оказался там.

- Кто такой Сева? - спросила я.

Он чуть-чуть подумал, а потом произнес:

- Пятьдесят приседаний.

- Что?

- То, что слышали. Я скажу, где Сева, если вы присядете.

Моя гордость сначала взбунтовалась, захотелось все бросить и уйти. Но, поняв, как глупо это будет смотреться, я подчинилась. Воспользовавшись тем, что он не сказал присесть по 50, мы сделали по 25. Хоть это будет по-моему. После окончания нашей экзекуции отец Михаил крикнул кому-то:

- Ваня, где Сева?

На радостях мы побежали к Ване. Тут нас тоже подстерегал сюрприз.

- 30 приседаний.

Еще по пятнадцать...

- Сева! - заорал Ваня.

И тут из палатки вылезает дяденька метра так под два. На всех парусах я подлетела к нему.

- Вы Сева? Какой у вас рост?

- Ну что с вами делать... по тридцать приседаний каждая.

Мы дружно застонали. Но пришлось подчиниться.

- Мой рост, - торжественно объявил Сева после того, как мы с трудом поднялись на ноги, борясь с желанием сесть и дрожью в коленках, - 189 см.

Мы кое-как побежали обратно, доковыляли до вожатой и протянули ей бумажку с ответом. Тут к нам присоединились еще двое.

- Теперь вы команда, - улыбнулась девушка.

Постепенно нас становилось все больше, народ прибывал.

- Стоп-игра! - объявила вожатая.

- Ну и что теперь? - поинтересовалась я.

- Теперь? Теперь вы отряд, а мы вожатые, - сказала только что подошедшая девушка, - меня зовут Юля, а это Катя. Наш отряд - второй.

В первую ночь в лагере поспать нам не удалось. Действительно, ну какой человек будет спать на новом месте, где притом еще и двадцать незнакомых человек под боком шумят, греются и поднимают себе настроение. В общем, каждый сходит с ума, как может. А если честно, нам просто было ХОЛОДНО! Мы с Оксаной прижались друг к другу как можно ближе, и начали понимать, что зря взяли одно одеяло на двоих. Было ощущение, что во внешнем мире, то есть вне одеяла, температура под минус двадцать. И вообще непонятно, как мальчишки-дежурные еще не умерли или хотя бы не превратились в сосульки.

А в полшестого утра какой-то «умник» начал колоть дрова. Я, конечно, все понимаю, холодно всем, согреваются люди разными способами, но это уже чересчур.

Утром нас, холодных и голодных пустили помогать поварам при условии, что мы не съедим все припасы кухни. Выбежали из палатки в свитерах, постояли секунд пять и на крейсерской скорости понеслись за теплыми куртками. Умылись потом очень холодной водой. В умывальнике, к тому же, еще и какая-то фигня плавала. Что, из речки набрали?!

Мы кидали-кидали голодные взгляды на повара, не выдержали и подошли к нему.

- Доброе утро! Мы помогать, - сказала я.

- Аа... - протянул повар, - ну идите чистить картошку.

Мы переглянулись. Странно, тут что, еще и работать нужно?

- Эх, была-не была! - я присела на корточки возле большого мешка, наполовину набитого картошкой. И удивилась сама себе. Что-то нутро не собирается поднимать бунт на корабле.

- Это что, все почистить надо?! - истерически воскликнула Оксана.

- Ага, - беззаботно произнес повар, - это еще мало, всего на суп, а вот если картошку на гарнир давать... там целый мешок будет.

- Так что нам еще повезло, - съехидничала я.

Но через полчаса мне пришлось прервать занятие, потому как я порезала палец. Ну а кто ж виноват, что мама за все годы моей жизни даже картошку чистить не научила?! Я пошла искать в своей сумке пластырь.

В палатку залетела Оксана.

- Приехали твои родители, - сообщила она траурным голосом. Только похоронного марша не хватает! И добавила: - Похоже, они настроены воинственно.

Я застонала. Мне так не хотелось возвращаться домой! Если они тут, то мне тут делать больше нечего.

- Пожалуйста, - жалобно сказала я, - попроси отца Михаила, чтобы он с ними поговорил. Уж его-то они должны послушать. Я домой не поеду! И вообще видеться с ними не буду! Тут останусь. Должны же они когда-нибудь уехать!

Но любопытство все-таки пересилило. Минут через пятнадцать я рискнула высунуть нос из палатки и проверить ситуацию.

Вдалеке я увидела своих родителей. Они стояли и разговаривали с отцом Михаилом. Могу поклясться, что я видела улыбки на их лицах. Да и разговор, судя по всему, носил вполне мирный характер. Решив не испытывать судьбу, я юркнула обратно в палатку, куда как раз вернулась Оксана.

- Вроде все довольно мирно, громить лагерь и вызывать наряд ОМОНа они не собираются, - пожала плечами подруга в ответ на немой вопрос в моих глазах.

Через полчаса отец Михаил зашел в нашу палатку.

- Я поговорил с твоими родителями. Почему ты мне не сказала, что сбежала из дома?

- А вы бы меня тогда взяли в лагерь?

- Нет, конечно.

- Вы сами дали ответ на свой вопрос, - рассмеялась я, - а что, они еще здесь?

- Нет. Уехали пять минут назад.

- Как? И даже не захотели промыть мне мозги на тему уважения к старшим? - съязвила я.

- Они тебя любят. Они хотят, чтобы ты была воспитана правильно, просто не могут выразить это иначе, чем строгостью, - заметил отец Михаил и вышел.

- Да, если Бог есть, то он на моей стороне, - тихо сказала я себе под нос.

Думая о событиях прошедшего дня, на вечерней молитве, что оказалось обязательным мероприятием для всех, я про себя несколько раз повторила: «Спасибо, спасибо, спасибо!».

- Значит, так, - произнес отец Михаил на следующий день на утренней линейке, - я посмотрел на количество бычков в туалетах и понял, что мальчики, а их семьдесят, курят меньше девочек, а их двадцать.

Все удивленно переглянулись. Кто ждал такого поворота событий? Что, и тут будет, как у меня дома?

- Я все понимаю, поэтому просто говорю вам: подойдите ко мне и один на один признайтесь. В противном случае тех курящих, кого увижу, выгоню из лагеря лично. И не надейтесь, что родители не узнают.

Через несколько часов всех снова собрали на поляне. Отец Михаил объяснил, что на границе с живой природой оборудовали курилку. Теперь все было вполне легально.

Но через несколько дней кто-то из вожатых заметил, что курильщиков стало гораздо меньше. Тут я кое-что поняла. Запретный плод сладок.

А утром следующего дня за завтраком я услышала гениальную фразу, сказанную подругой:

- Слушай, поехали сюда и на следующий год, а?

Я обещала подумать, ведь мне начинало здесь нравиться.

Все было бы хорошо, если бы не одна напасть. Отец Михаил дал моим родителям номер своего мобильного, и у них появилась возможность меня донимать по телефону. И вот однажды я вышла из себя.

- Мама! Не надо приезжать! Меня хорошо кормят, я не голодаю. И забирать не надо! Не соскучилась я по дому. Точно. Абсолютно. Мне нужно идти. Зовут. Ты и так все деньги на телефоне потратила. Хватит звонить! Каждый день по сто раз. Надоело! Пока.

Рядом со мной на скамейку в трапезной села девочка.

- Как же они меня достали... - пробормотала я.

- Кто? - заинтересованно спросила она.

- Родители. Постоянно меня контролируют, шагу спокойно ступить не дают! Да лучше б их вообще не было! - вырвалось у меня.

- Мне бы хоть каких-нибудь, - тихо произнесла девочка.

- В смысле?

- Я из детского дома. Моих родителей лишили родительских прав. Я не знаю, где они сейчас. Мы уже восемь лет не виделись.

Я притихла. Ну что тут скажешь?

И вдруг в голову пришла ошеломляющая мысль: «А как это, без родителей?».

День за днем пролетал сезон. Вроде все было хорошо. И в волейбол играли, так радуясь победам и огорчаясь из-за поражений. С иностранцами заезжими познакомились, которым долго объясняли русские традиции. Картошку чистили весь сезон, конкурсы веселые проводили, мероприятия готовили. На молитвы ходили. И проводили огоньки, на которых плакали и смеялись все вместе, и дежурили, на костре ночью сидели, и проводили дискотеки. Знакомились, общались, ссорились, мирились, спорили. Здесь я нашла новых замечательных друзей. Жизнь кипела. Но... однажды я поняла, что чего-то не хватает. Только вот чего?

Какое-то время смутное чувство скребло мне душу, и наконец я сообразила! Уже три дня, как мне не звонили родители, не донимали меня дурацкими советами, не требовали вернуться домой. Здесь что-то не так.

Изображая равнодушие, я подошла к отцу Михаилу и вскользь спросила о родителях. Священник загадочно улыбнулся и протянул мне свой телефон: звони, мол. Я набрала номер. Руки немного дрожали. Я прижала трубку к уху и стала ждать. Гудок, второй, третий. Наконец послышался взволнованный мамин голос:

- Да. Отец Михаил, что случилось?

От волнения я сначала не нашлась, что ответить, а потом произнесла, что первое пришло в голову:

- Мама... я тебя люблю.

Несмотря на то, что мне очень этого не хотелось, но день закрытия приблизился все-таки слишком быстро.

Я решила не грустить, хотя и вплотную приблизилось то время, когда дети расстанутся друг с другом, и возможно, навсегда... Я подошла к отцу Михаилу:

- А есть свободные путевки на второй сезон?

- Для тебя - точно найдется, - заверил меня он.

Я подумала, что теперь нет причины для грусти.

Закрытие прошло на «Ура!». На финальной песне вожатых многие плакали. Но меня ждал впереди второй сезон.

...Мы стояли около храма все вместе. Такого никогда не было раньше. Папа придерживал рукой старый дорожный рюкзак. А я просто светилась.

Подошел отец Михаил, пожал руку отцу, поприветствовал маму, и они ушли в церковь, оживленно о чем-то разговаривая. Я расслышала только два слова мамы: «Спасибо вам».

Они долго не возвращались, а я сначала здоровалась со знакомыми, а потом бегала и просила всех затащить в автобус мой рюкзак.

Наконец наступило время отправления. Родители вдруг возникли непонятно откуда.

- Ладно, дочь, удачи тебе, - мама нелепо перекрестила меня, благословляя. Потом обняла.

Папа тоже обнял и засунул мне в карман небольшой сверток.

- Откроешь в автобусе. Иди.

Я махала родителям из автобуса, они улыбались мне, стоя снаружи. Мама вдруг протянула руку к стеклу и нарисовала пальцем сердечко.

Через несколько минут я вспомнила про вещь в кармане.

Сорвала бумагу и долго разглядывала маленькую икону-книжку. Вот это да! У меня самые лучшие родители!

*** Ощущение де-жа-вю. Я снова стою на той же самой траве, а неподалеку пасутся, кажется, те же самые коровы. Только вот одно обстоятельство: Оксаны рядом нет, но... где-то рядом есть близкие мне люди, пусть, может быть еще даже не знакомые.

Та же дорога, почти те же лица, из нового только – чувство безграничного счастья.

Хлестунова Алена, 8 класс МОУ «Северская гимназия»